

УДК 572.9

Концепт «возрождение» как механизм изменения общекультурного развития России

Шемякина Мария Константиновна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории культуры,
Белгородский государственный институт искусств и культуры,
308033, Россия, Белгород, ул. Королева, 7;
e-mail: mary-ru2004@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена выявлению специфики воплощения концепта «возрождение» в русской культурной традиции. Рассмотрев три исторических периода, автор детально останавливается на процессах культурного развития каждого периода, особенностях реализации «концепта» в общественной и художественной среде. Выявление переходных этапов (рубежей) культурного развития, таким образом, в основе своего постижения определяет центральную идею русской культуры как культуры возводимой – идею концепта «возрождение» (человекотворческого, просветительского, религиозного).

Ключевые слова:

Концепт «возрождение», русская культура, динамика культуры.

Введение

Возрождение, рассматриваемое в качестве исторической эпохи или особого мироощущения, тенденции развития культуры в ее повторяемости

или опоре на прошлые ориентиры всегда есть придание человеческой жизни «вихревого движения» (А. Блок), попытка постижения нового и поиски иных (помимо утвержденных) способов и форм этого постижения.

Каждый народ, подчеркнет А.И. Чернокозов, «в своем историческом развитии переживает эпоху, когда после длительного упадка расцветают его экономика и культура... Феномен переходной эпохи как независимой фазы культурного процесса – это общая историческая закономерность, которую переживают многие народы в разные исторические периоды»¹. Закономерность, определяющая развитие культуры, воспринимаемая самой культурой как естественный механизм ее изменения.

Следует помнить, вслед за размышлениями И.Г. Гердера, что история свидетельствует: «...развитие культуры – вовсе не прямая линия, в ней имеются повороты, обрывы и уступы. Человеческие страсти превращают ее спокойное течение в водопад, уносящий жизни людей... Но она обладает необычайным запасом прочности и устойчивости. Под каким бы углом ни поворачивал поток, культура не «уйдет в песок», не истощится и не исчезнет»².

Сама история в таком контексте будет мыслиться как «осуществляе-

мая в виде (в форме) сменяющих друг друга культур». При этом культура будет пониматься в качестве своеобразных узлов и форм, «в которых процессы эволюции и истории приобретают константный однородный характер»³. Так рождается понятие концепта «возрождение», долженствующего быть рассмотренным не столько как историческая эпоха, но как модель исторической динамики бытия культуры.

Концепт «возрождение» в такой реализации закономерно соединит как прогрессивные элементы гуманизма и антропоцентризма, так и теологическую предрасположенность в решении сакраментального вопроса культуры: кто есть человек как сотворец Мира-Вселенной-Социума.

В подобном понимании концепт «возрождение» должен быть осмыслен как механизм культурного изменения. И наблюдения в области развития культуры приведут к изучению вертикали ее изменений, когда вертикаль будет пониматься как «открытие новых форм культуры», «квинтэссенция творчески-продуктивного начала», «процесс временного развертывания культуры, ее исторический

1 Чернокозов А.И. История мировой культуры. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – С. 93.

2 Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. – М., 1977. – С. 78

3 Розин В.М. Культурология / 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Гардарики, 2004. – С. 222

характер, принцип преемственности, переход предшествующих культурных форм или элементов в новые культурные образования»⁴.

Как отмечают историки и культурологи, в специфике развития государства Российского можно было выделить несколько переходных этапов (рубежей), основой постижения которых служила центральная идея возводимой культуры – идея концепта «возрождение» (ренессанса человечотворческого, просветительского, религиозного): время становления Московского государства, петровских преобразований и рубежа XIX-XX веков.

«Возрождение» как центральный механизм сохранения культуры в период Московского государства

Ко времени освобождения Руси от татаро-монгольских завоевателей произошло несколько важных событий, определивших дальнейшее развитие Руси и ее культуры.

Следует отметить, что татаро-монгольское иго стало трагическим испытанием для Руси. Она утратила не только государственную самостоятельность и была насильственно изо-

4 Там же. – С.37-38.

лирована от мира. Как авторитетно отмечают исследователи, «во многих районах культурные достижения были полностью уничтожены, в других – не могли развиваться»⁵.

«Подлинной трагедией в нашей истории стало ордынское нашествие, – вторит Л.А. Рапацкая, – затормозившее развитие русского народа на несколько веков... Русской художественной культуре (не говоря о других потерях) был нанесен смертельный удар... Киевская Русь завершила свое развитие... Многие летописи XIII века рассказывают о том почти мистическим ужасе, что охватил Русскую землю с набегами ордынцев»⁶.

«Первые 50 лет, – подчеркнет и А.И. Кравченко, – после вторжения русская культура переживала нечто вроде культурного шока... Духовное сознание народа того времени можно назвать катастрофическим, иноземное вторжение и массовая резня воспринимались как наказание за грехи»⁷.

5 Чернокозов А.И. История мировой культуры. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – С. 197.

6 Рапацкая Л.А. История художественной культуры России (от древних времен до конца XIX века). – М.: Академия, 2008. – С. 46.

7 Кравченко А.И. Культурология. – 3-е изд. – М.: Академический проект, 2002. – С. 403.

За долгие годы зависимости, перейдя со страниц ученых-книжников и летописцев в реальные отношения князей, родилась идея объединения русских княжеств, которая впоследствии и привела к образованию единого государства. Вот почему борьба с татаро-монгольским игом рассматривалась не только как национальная, но и религиозная задача. Религия послужила тем консолидирующим государственным толчком, способствующим идее сближения и поиска политического компромисса. Именно эта идея была так близка Д.С. Лихачеву, писавшему: «...В месте сбора русских войск в Коломне на пути их против Мамаю предварительно воздвигается самый крупный из всех русских храмов того времени – Успенский. Тем самым походу русских войск придавался религиозный характер»⁸.

Начало же действия механизма возрождения русской культуры связывается многими исследователями с отдаленными северными землями, и в частности с Новгородским княжеством. Именно здесь, на бастионе русской культуры, утвердится укрепление

политической и финансовой самостоятельности; определится центр развития русского зодчества (появится первое каменное строение Никола на Липне, 1242); обретет свой уникальный стиль культовое монументальное строительство – церковь Спаса на Ковалево (1345), церковь Спаса Преображения на Ильине улице (1374), церковь св. Федора Стратилата на Ручье (1361); достигнет своего расцвета иконописная традиция, музыкальное искусство, устное музыкальное творчество, былинный эпос, хоровое пение, искусство колокольного звона.

С Новгородом, а позднее с Москвой, многие русские художники, иконописцы, мастера будут связывать «представление о высокой духовной культуре, о возможности реализовывать творческие задумки...»⁹. Имена, возникшие в этот период времени, навсегда запомнятся в истории русской культуры в качестве вершин мастерства и художественного воплощения творческой идеи формально временного средневековья: Феофан Грек, Дионисий, Андрей Рублев. «Здесь и экспрессивно-эмоциональный мир

8 Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси / Лихачев Д.С. Избранные работы: В 3 т. – Л.: Худ. лит., 1987. – Т. 3. – С. 92.

9 Рапацкая Л.А. История художественной культуры России (от древних времен до конца XIX века). – М.: Академия, 2008. – С. 56.

Феофана Грека, – отметит Л.А. Рапацкая, – и мягкая палитра глубоко гуманной иконописи Андрея Рублева, и музыкальная ритмичность работ Дионисия, и безграничные, льющиеся из глубин сердца мелодии Федора Христианина, и вознесшиеся в небо красочные московские соборы»¹⁰.

Вся эта образность явилась воплощением идеала эпохи, прекрасно соединившего горную духовную чистоту и человеческую чувственность. Как отметят искусствоведы, уже «... во фресках проглядывает и чисто русское благодушие, и неожиданная жизнерадостность. Все это позволяет говорить... о рождении самобытных новгородских художников, привносящих в свое искусство мягкость, человечность, духовную благодать»¹¹. И этот идеал будет соответствовать не только национальным христианским канонам, но и представлению о высоком (почти возрожденческом) предназначении человека, призванного всей своей жизнью подтвердить право на существование в любви к родине, родной земле, почитании святынь и христианской веры, соблюдении Божьих заповедей, любви к семье и понимании себя как части рода.

¹⁰ Там же. – С. 68.

¹¹ Там же. – С. 56.

Появление объединенного государства, его борьба против Золотой Орды, окончательно сломленной в 1380 году (хотя еще долгое время приходилось обороняться и от экспансии золотоордынских обломков – Крымского, Астраханского и Казанского ханств, и от агрессий с Запада), способствовали формированию русской (великорусской) народности, выработке ее особой ментальности, новых традиций, нового образа жизни. И в этой новизне, так сказать, отличии от эпохи предшествующей, тоже видится элемент динамики развития культуры, ее очевидный взрыв и переход от количественного накопления характеристик к качественному содержательному рывку.

Московское государство стало наследником Северо-Восточной Руси. Культура нового государственного образования, как отмечают исследователи, отличалась опорой на византийское (античное) наследие. Последнее немыслимо без духовной опоры, связанной не столько с официальным перенесением при Иване Калите кафедры митрополита «всея Руси» в Москву, сколько с общей тенденцией развития подвижничества, пестовавшего и хранящего сам дух святости, высшей формой выражения которой стал Сергей Радонежский.

«Пятьдесят лет, – писал В.О. Ключевский, – делал свое дело преподобный Сергей в Радонежской пустыни; целые полвека приходившие к нему люди вместе с водой из его источника черпали в его пустыни утешение и ободрение и, воротясь в свой круг, по каплям делились им с другими...»¹². Сергей Радонежский стал предвестником нового времени, когда, по словам А.И. Кравченко, «восстанавливалось мирное течение жизни», появлялись люди, «задумавшиеся о милосердии и спасении»¹³. А во второй четверти XIV века последователи Сергия уже образуют целое направление русской духовной жизни – новое подвижничество пустынножителей (скитское иночество).

Идея русского Возрождения как бы витала в воздухе, что дало основание современникам чувствовать, а потомкам фиксировать обновление жизни, последовавшее после ордынского ига. «...Татаро-монгольское нашествие, – заключит А.И. Кравченко, – не сломало творческого духа русского народа. Подъем национального са-

мосознания после Куликовской битвы проявился в огромном интересе к историческому культурному наследию Древней Руси. Он способствовал развитию лучших его традиций и созданию новых культурных памятников. Не случайно культуру XV- XVI веков специалисты иногда называют «русским Возрождением»¹⁴.

Своеобразное действие концепта «возрождение» после периода иноземного ига нашло и более поэтическое сравнение в исследовательской литературе. «Русь часто сравнивают со сказочной птицей Феникс, – пишет Л.А. Рапацкая, – способной вновь и вновь возрождаться из пепла. Многим погибшим во время ордынского нашествия городам так и не суждено было возродиться»¹⁵.

Именно это сложнейшее для русской государственности время будет обозначено в науке как Предвозрождение (Д.С. Лихачев, К.Г. Вагнер, Л.А. Рапацкая), поскольку искусство Московской Руси вызовет ассоциации с произведениями итальянского Дученто. В переводе с итальянского Дученто – «двухсотые», т.е. 1200-е

12 Ключевский В.О. Исторические портреты: деятели ист. мысли. – М.: Правда, 1991. – С. 72.

13 Кравченко А.И. Культурология. – 3-е изд. – М.: Академический проект, 2002. – С. 403.

14 Там же. – С. 411.

15 Рапацкая Л.А. История художественной культуры России (от древних времен до конца XIX века). – М.: Академия, 2008. – С. 47

гг. (XIII в.), иначе – Проторенессанс, Предвозрождение. Хотя, как отмечает Д.С. Лихачев, «общее «движение к человеку», которое характеризует собой и Предвозрождение, и Возрождение, не освободилось еще от своей религиозной оболочки». Все религиозные движения и ереси, в значительной мере отражавшие изменения в представлениях о месте человека в мире, были связаны с изменениями в обществе после освобождения от монгольского нашествия.

Время столь разительных изменений и борьбы за собственную свободу несло в себе утверждение светского начала в жизни субъекта культуры. С одной стороны, церковь играла важную роль «духовного наставника и защитника в период татаро-монгольского ига»¹⁶. С другой, лозунгами утверждения светского начала, считают исследователи, можно рассматривать различные еретические учения.

Борьба России с иноземным владычеством отразилась и на новом понимании человека эпохи: она возвысила роль личного героизма и подвижничества. Примером может служить огромное количество (XIV-XV

вв.) летописных повестей и сказаний, посвященных борьбе Руси с золотоордынским игом. Это «Сказание о Мамаевом побоище»; произведение рязанского священника Софония «Задонщина»; былины о Василии Буслаеве и Садко, о Евпатии Коловрате, Меркурии; народные поэтические исторические песни («Песня о Щелкане», отражающая события народного восстания в Твери в 1327 г.); повести о битве на Калке; «Сказание о граде Китеже» и др.¹⁷ Патриотический подъем и творческое вдохновение – вот две характеристики этого периода.

Новый взгляд на человека и его место в мире породил новый стиль в разных видах искусства. Это был экспрессивный стиль, насыщенный сильными страстями, крайностями, в которых добро и зло взаимоисключали друг друга. И прежде всего они коснутся деканонизирующих процессов в жанрах искусства и центральных направлений культуры. В литературе этого периода появятся и утвердятся светские направления, как то: историко-бытовая повесть, переводной роман, былина. И наравне с описанием социально-бытового кон-

16 Кравченко А.И. Культурология. – 3-е изд. – М.: Академический проект, 2002. – С. 403.

17 Культурология, эстетика, искусствоведение: Словарь-справочник. – Ростов-н/Д.: Феникс, 1997. – С.87.

текста миру явится человек с его переживаниями, сомнениями и поисками. В живописи одной из центральных тем зазвучит светская – исторические сюжеты, бытовые подробности.

Не случайно «модификацией Предвозрождения» назовет искусствовед Г.К. Вагнер последующую «монологически-назидательную художественную культуру Руси XVI века», многолико представленную художественной публицистикой (Иосиф Волоцкий, Нил Сорский, Максим Грек, Иван Грозный, князь Курбский), и первыми домоустроительными произведениями («Домострой»), и государственный идеологический документ «Стоглав»¹⁸.

И даже в иконописных аллегориях человек проявится своим естеством в пороках и грехах. Икона в основании своем заявит «самомышленные» сюжеты, подобные тем, что в росписях и миниатюре закрепят своеобразное изображение природного мира, так близкого к идеальному.

Именно тогда явится миру «Троица» Андрея Рублева, воспринимаемая и по сей день нашими современниками не только как явственное

18 Рапацкая Л.А. История художественной культуры России (от древних времен до конца XIX века). – М.: Академия, 2008. – С. 90.

выражение «золотого века» русской иконописи, но и как самый одухотворенный и «очеловеченный» рассказ о христианском чуде устами смертного.

Последним, «самым музыкальным аккордом великой иконописной симфонии, созданной мастерами русского Предвозрождения», назовет Л.А. Рапацкая и искусство Дионисия, достойно продолжившего, вслед за Рублевым, традиции «мистического реализма»¹⁹.

Отдельного повествования заслуживает зодчество этого периода, поскольку ряд искусствоведов справедливо считает, что зримый образ новой художественной культуры был создан именно зодчими, «блестяще воплотившими мироощущение эпохи Предвозрождения в храмах, крепостях, монастырских сооружениях»²⁰.

В это сложное время формирования нового архитектурного стиля (XIV-XV вв.) были заново отстроены монастыри, сохранившиеся и до наших дней: собор Успения Богородицы

19 Там же. – С. 84.

20 См, например, Рапацкая Л.А. История художественной культуры России (от древних времен до конца XIX века). – М.: Академия, 2008. – С. 79; Кравченко А.И. Культурология. – 3-е изд. – М.: Академический проект, 2002; Чернокозов А.И. История мировой культуры. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997 и др.

на Городке в Звенигороде; Троицкий собор в Троице-Сергиевом монастыре; Спасский собор в Андрониковом монастыре; белокаменный Успенский собор Московского Кремля (ренессансная интерпретация храма Успения Богородицы во Владимире XII века); собор Благовещения и церковь Ризоположения (Ризположения); появление архитектурных ансамблей Соборной площади и т.д.

Новаторство эпохи полностью проявится в самом способе передачи воспринимаемого, когда произведения искусства гармонично соединяли народное профессиональное и церковное искусство, мудрую простоту, художественную выразительность и высокую духовность, сопрягаемую с религиозным озарением.

Национальное начало русской художественной культуры, так ярко проявившееся в стремлении постичь внутренний мир человека, его чувства, безусловно, выразилось в эмоционально-экспрессивном строе повествования, в пока еще робкой символичности, «абстрактном психологизме», в том сонме образов эпохи, соединивших и типизировавших в себе единые черты (мужество, смелость, преданность, патриотизм, взаимовыручка). При этом нельзя де-

тально рассуждать лишь о светской литературе (исторической повести, пытающейся по крупицам воссоздать русскую историю, или публицистике). Речь идет и о житиях святых, и о летописных сводах, где присутствие обыденного человека уже не только ощутимо, но и обоснованно.

Искусство, отмечают исследователи, изображая «человеческое», плотское, не отказалось от величавых «вечных» сюжетов храмовой культуры, «в период духовного подъема, вызванного становлением государственного «самостояния», в художественных произведениях начинает развиваться сфера, связанная с внутренним миром человека, с его нравственными и психологическими борениями»²¹.

Идея возрождения величия России в рамках реализации концепта выразится и в сугубо идеологическом плане. Как ни парадоксально это будет звучать, но проявилось подобное утверждение в главной идее того времени – идее старца Псково-Печерского монастыря Фелорея «Москва – Третий Рим».

Теория фактически утверждала, что Москва величием своего

21 Рапацкая Л.А. История художественной культуры России (от древних времен до конца XIX века). – М.: Академия, 2008. – С. 68.

православного духа являет собой не только центр всего христианского мира, достойную наследницу Византии, она в законах устанавливаемой жизни утверждает дальнейший путь своего развития в высокодуховном ареале. «В эпоху Предвозрождения Русь стала осознавать себя монолитной державой с духовной миссией «третьего Рима», – отметит Л.А. Рапацкая. – Укрепление новой российской государственности способствовало расцвету художественной культуры в формах, красках, звуках. Яркие личности проявили себя во всех видах храмового искусства. Епифаний Премудрый и Андрей Рублев, Дионисий и Федор Христианин, Барма Постник и Василий (Варлаам) Рогов. Древнерусское искусство Предвозрождения стало кульминацией и одновременно мощным заключительным аккордом развития средневекового храмового искусства – литературы, зодчества, иконописи и музыки. Наступал XVII – «бунташный век», принесший много нового»²².

Из подобных наблюдений можно заключить, что в художественной культуре Московской Руси не было

22 Рапацкая Л.А. История художественной культуры России (от древних времен до конца XIX века). – М.: Академия, 2008. – С. 98.

условий для действительно эпохального Возрождения. Хотя отдельные детали развития русской культуры в рамках действия концепта «возрождение», безусловно, состоялись. Эти сегменты культуры в сравнении с предшествующим периодом были разительно на него не похожи не только по форме, но и по содержанию, отличаясь явно гуманистическим направлением. Период тотального обмирщения еще не начался, но, как справедливо утверждает Л.А. Рапацкая, «общий подъем национального самосознания, строительство нового государства вызвали к жизни интерес к истокам, к «русской античности» – так можно назвать идеализированный образ старины, Киевской Руси... Киевская Русь была преемницей Византии. Византийское искусство возникло на развалинах античности, оно творчески переработало античные традиции»²³.

Не случайно, отметит А.И. Чернокозов, «процесс становления древнерусской культуры не был процессом простого поступательного движения. Он включал в себя взлеты и падения, периоды длительного застоя, упадка и культурных прорывов. Но в целом эта эпоха представляет собой культурный пласт, определивший последую-

23 Там же. – С. 67.

щее развитие всей русской культуры»²⁴.

Концепт «возрождение» в системе координат петровского времени

Российская государственность, определявшая практически все стороны жизни общества, определила и следующий этап закономерного действия концепта «возрождение» в развитии России – петровский. Как писал о. Сергей Булгаков, «Россия на ужасы татарского ига ответила солнечным явлением преподобного Сергия и всей этой Сергиевской эпохой русской культуры, а в ответ на Смутное время явилась петровская Россия со всею нашей новою культурой»²⁵.

Реформы петровского времени коренным образом меняли всю систему общественного устройства, были объективно необходимыми и отчасти предсказуемыми, но вместе с тем, как справедливо указывает ряд исследователей, могли быть восприняты и как очень личностные, субъективно пре-

допределенные и ориентированные, построенные на основе личного восприятия и понимания. «Следует особо подчеркнуть, – авторитетно заявляет В.В. Касьянов, – что, несмотря на объективную необходимость реформ вообще и в культуре – в частности, они проводились на субъективной основе, всецело зависели от личных впечатлений, знаний и их понимания самим государем – Петром Великим»²⁶.

С одной стороны, отмечают исследователи, XVII век также стал началом переходного пути, отличным от предыдущего хотя бы в государственном устройстве, характеризующимся насильственным разрывом своей изоляции и стремлением сблизиться с Западом. В этот период Россия обрела не только самодержавное величие, но и имперский лоск, еще более приблизив тип своей политической системы к византийскому. Период реформ этого времени был тяжелым для общества в целом, отразившись в духовной и художественной жизни.

С другой стороны, убежден ряд историков, «культура стала западной по своему внешнему выражению, по представленности и по претензии, но

24 Чернокозов А.И. История мировой культуры. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – С. 201.

25 Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество / Вехи. Интеллигенция в России. – М.: Молод. гвардия, 1991. – С. 74.

26 Касьянов В.В. Культурология. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 394 с.

осталась неискоренимо восточной по своему существу»²⁷. «Народ, назначением которого было в течение поколений жить вне истории, – пишет О. Шпенглер, – был искусственно принужден к неподлинной истории, дух которой для исконно русской сущности был просто-напросто непонятен»²⁸.

Сложная эпоха реформирования, прежде всего, привлекает исследователей к оценке новаторств и новшеств, вводимых в повседневную жизнь. Но стоит отметить, что отказ от ценностей прошлых столетий во многом зачастую носил внешний характер, поскольку центральным девизом приходящей эпохи станет: «Прав тот, кто нарушает правила». И первым, кто нарушал многовековые правила, был сам Петр.

Как отметил Л.Н. Гумилев, «на самом же деле все обстояло не совсем так, а вернее, совсем не так. Несмотря на все декоративные новшества, которые ввел Петр, вернувшись из Голландии: бритье, курение табака, ношение немецкого платья – никто из современников не воспринимал его как нару-

шителя традиций. Как мы уже убедились, традиции у нас на Руси любили нарушать и нарушали все время – и Иван III, и Иван Грозный, и Алексей Михайлович с Никоном привносили значительные новшества. Контакты с Западной Европой у России никогда не прерывались, начиная, по крайней мере, с Ивана III... Русские люди XVIII века, даже одетые в кафтаны и парики, оставались самими собой»²⁹.

Почти созвучное высказывание принадлежит и нашему современнику А.В. Лубскому, отмечающему, что реформы Петра I были обусловлены кризисом Московского государства, с одной стороны, и сменой культурной модели, с другой. «Однако, – отмечает исследователь, – российский культурный архетип оказался настолько сильным и устойчивым, что попытка включить «русское азиатское своеобразие» закончилось тем, что петровская «вестернизация» по целям и форме стала глубочайшей «антивестеризацией» по сути, а «революционер» и западник Петр I оказался охранителем и традиционалистом»³⁰.

27 Чернокозов А.И. История мировой культуры. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – С. 202.

28 Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. – М.: Мысль, 1993. – С. 315.

29 Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории / Послесл. С.Б. Лаврова. – М.: Экспрос, 1992 – С. 287.

30 Драч Г.В. Культурология. – Ростов н/Д.: Феникс, 2000. – С. 383.

Эпоха не сняла центрального противоречия, рожденного уже русской культурой: коллизии между общественно-историческим развитием государства, культурным развитием носителей культуры и теми идеалами, которые были не столько восприняты извне, сколько сформированы внутри культуры. И, прежде всего, идеал свободы – общественной, общенародной, личностной – в политическом, нравственном, эстетическом, творческом смысле. Как отметит И.В. Кондаков, «противоречие между идеалом универсального государства как самоцели общественно-исторического и культурного развития (Империи) и идеалами свободы – от стихийной Воли до узаконенной демократии (свободы, различно понятой и выраженной, свободы в политическом и нравственном, эстетическом смысле, индивидуальности, творческой и самобытной личности) оказывается сквозным фактором русской культуры на протяжении многих веков – фактически с XVI века»³¹.

Эта центральная тема не только культуры, но и русской жизни будет уже заявлена, но по-иному решена

в век перемен. И при этом бинарное начало по-прежнему останется довлеющим.

Между тем, духовная жизнь общества двигалась несколькими путями.

Особенно явственно новое мироощущение проявилось в искусстве, где одни в экспрессивной манере, другие в сдержанной воспевали глубокий и богатый внутренний мир незаурядного человека. И снова выразится, но уже в ином варианте, генеральная линия концепта «возрождение» – гуманистическое мировоззрение. Теперь важность подобного изображения сводилась к образному воссозданию человека-гражданина, государственного деятеля, чья жизненная позиция определяла положение вещей.

Очевидным остается тот факт, что культура становится еще более светской, причудливо совмещающей черты «европейской государственности, византийской религиозности и восточной социальности». Это период «просветительского ренессанса XVIII века», отметит А.И. Чернокозов³². Когда утвердится барочный «нарышкинский» стиль и «дивное

31 Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. – М.: Аспект Пресс, 1997. – С. 145.

32 Чернокозов А.И. История мировой культуры. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – С. 201.

узорочье», светская и церковная архитектура взаимно обогатят друг друга, а асимметричность форм закрепится в качестве нового канона (и в этом выразится крайняя степень индивидуальности и мастерства архитектора). Новое развитие получают живопись и скульптура, графика и декоративно-прикладное искусство; будет сформирована национальная художественная школа (одно из величайших выражений национальной идеи); особое значение обретут образование и наука (в своей ориентации на личностное начало и открытия самородков); а в человеческом плане будут оценены не только христианские добродетели, но и светские (личностные) начала – активность, смелость, интеллект.

Человек становится не только центральным объектом изображения, но и, согласно содержательной стороне концепта «возрождение», субъектом творческого акта. Особенно ярко подобная тенденция проявилась в живописи. Портретная живопись, освобождаясь от влияния условностей и схематизма, начинает передавать внутренне состояние человека.

В петровский период в живописном звучании надолго и прочно утвердился парадный портрет, где вместе с деталями одежды или пред-

метами быта изображается человек. По сути, это был первый робкий шаг к портрету интимному, откровенно обнажающему человеческое естество. Прославленными живописцами этого периода по праву признают А.М. Матвеева, И.Н. Никитина, А.П. Антропова, И. Вишникова.

«...Именно в первые десятилетия XVIII века, – отметит Л.А. Рапацкая, – была заложена национальная школа живописи, представители которой за парадным фасадом портрета смогли увидеть облик нового россиянина»³³. Эта живопись утверждала высокие гуманистические идеалы, ценности человека вне зависимости от его сословной принадлежности (А.М. Матвеев, И.Н. Никитин).

Концепт «возрождение» проявится не только содержательно, но и формально. В век реформ возродится интерес к античности, который, в частности, проявится в скульптуре в первой четверти XVIII века не только в создании новых произведений, сколько в коллекционировании произведений прошлого. Именно в это время, отметит В. Касьянов, «была приобретена «Венера Таврическая», которая и

33 Рапацкая Л.А. История художественной культуры России (от древних времен до конца XIX века). – М.: Академия, 2008. – С. 134.

в наши дни украшает античную коллекцию Эрмитажа»³⁴. Знаменитыми скульпторами, транслировавшими в своем творчестве античный сюжет, стали И. Зарудный, А. Нартов.

Совсем в особенном свете предстал античный мир в архитектуре: в монументализме форм, многообразии и сложности технических приспособлений, вариативности тем. С одной стороны, этому способствовал в целом рост городов (появлялись застройки усадебного типа, административные и учебные здания), с другой, – проявлялась сущность русского классицизма, выражаемая в канонизации форм и приемов.

Создателями русского классицизма в архитектуре, творчески преломляющими выдающиеся образцы античности, эпохи Возрождения и французского классицизма, стали В.И. Баженов, Ф.М. Казаков, Джакомо Кварнеги. Были построены дом Пашкова в Москве, дом Долгова на 1-й Мещанской улице, колокольня и трапезной Всех скорбящих на Б. Ордынке, дом Юшкова на ул. Мясницкой, Петровский дворец на Петербургской дороге, здание Сената в Кремле, цер-

ковь Филиппа Митрополита, здания университета и Голицынской больницы; обогащено скульптурное и декоративное убранство Смольного института, Александровского дворца в Царском селе и т.д.

Наблюдения над особенностями развития русской культуры приводят к логическому заключению. С одной стороны, Петр I, действительно, положил начало «русской европейскости», но, с другой, именно в эпоху Петра выкристаллизовались центральные проблемы общества, возникли вновь проблемы общественного (гражданского) и нравственного развития, была осуществлена попытка их разрешения. Вместе с тем, отмечает В.В. Касьянов, «такое противоречие человеческого и государственного в нем (Петре) лично не могло не сказаться на ходе, особенностях и результатах реформ. Его политика европеизации культуры принесла колоссальные выгоды России, но она поделила единую культуру россиян на европейскую у дворянства и патриархально-русскую – у большинства населения»³⁵.

В качестве идеала вновь будет рассмотрена личность, способная к

34 Касьянов В.В. Культурология. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – С. 405.

35 Касьянов В.В. Культурология. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – С. 395.

таким далеко не личностным свершениям, как управленческие, общественные или мировые. Как отметит Г.В. Драч, главное достижение петербургского периода – высвобождение творческих сил личности, художественного познания, расцвет личностного творчества, осуществление ломоносовской формулы, что «может собственными Платонов и быстрых разумом Невтонов Российская земля рожать»³⁶. И последнее как нельзя лучше согласуется с реализацией концепта «возрождение».

**«Русское возрождение»
рубежа XIX – начала XX вв.
как период общекультурного
развития России**

Время, называемое «бурной эпохой грани веков», Серебряным веком, собственно русским духовно-культурным Ренессансом. Период, в котором человек, предстает лицом не перед историей или государством, но перед Вечностью.

В русской истории XIX век – это период невероятно интенсивного развития самосознания общества, который отличался стремлением

философски осмыслить все явления действительности. Философская терминология использовалась даже в личных письмах. Идеи Гегеля, Шеллинга, Федорова, Соловьева обсуждались в кружках и салонах, на страницах журналов и газет. Философия стала неотъемлемой частью духовной жизни русского общества того времени, вошла в плоть и кровь его культуры. Рубеж же веков и начало нового XX века – это новая страница в развитии русской культуры, основанная на возвращении к истокам.

«...К Серебряному веку, – отметит Л.А. Рапацкая, – принадлежит иное, новое поколение творцов, ниспровергателей устоев, обладавших особым мироощущением. В их творениях родились художественные образы, говорящие о резкой смене привычных смыслов и ориентиров русского искусства. Ощущение нравственного кризиса, тоску по утраченной красоте, интуитивный порыв к постижениям духовных загадок бытия – все это воплотили музы Серебряного века – литература и живопись, музыка и театр»³⁷. «Мы, – пишет современник Н.А. Бердяев, – живем в эпоху, аналогичную

36 Культурология / Под.ред. Г.В. Драча. – М.: Альфа-М: ИНФА-М, 2010. – С. 392.

37 Рапацкая Л.А. История художественной культуры России (от древних времен до конца XIX века). – М.: Академия, 2008. – С. 284.

эпохе гибели античного мира! Тогда был закат культуры несоизмеримо более высокой, чем культура Нового времени, чем цивилизация XIX века»³⁸.

Другой классик Серебряного века, В.Я. Брюсов, назовет этот период временем, когда каждый миг призван сделаться «великим трепетом» от ощущения восторга и ужаса от попытки проникновения в вечные тайны Бытия, когда творческий дух балансирует между вечными антиномиями существования – жизнью и смертью.

Определяясь как неслучайная категория, эта фаза развития русской культуры опять совпадет с фазами кризиса государственности. При этом вопросы, которые будут подняты, с очевидностью первородного откровения отразят тенденцию развития не только исключительно русской, но общемировой мысли: размышления о человеке, свободе и рабстве, праве выбора и безысходности, отчасти даже фатальности происходящих событий, судьбе как сверхрациональной категории в жизни человека и государства.

Но государственное не будет звучать так пафосно и стройно, оно будет осмыслено в новом звучании

как общественное, свойственное всем и каждому, соединение людей, где все люди – часть чего-то большего, непомерно большего, нежели сам человек.

Отличительной чертой эпохи в философском звучании проявится учение В.С. Соловьева о соборности и о любви как высших формах проявления духовной сути человеческого бытия; идеи Н.Ф. Федорова и В.И. Вернадского о ноосфере, позже Л.Н. Гумилева – о пассионариях. При этом словесное выражение мысли обретет полновесное символическое звучание.

Эта особенность эпохи ярчайшим образом проявится в художественном искусстве – искусстве символизма.

Символистами, справедливо отметит Л.А. Рапацкая, будут двигать не ординарные человеческие чувства, но сверхчеловеческие, гиперпространственные, надсубъективные: «опьянение любовью, радостью бытия, чувственной красотой мира, бурными стихиями воды и огня – все это ...составляет образную сферу искусства символизма, озаренного экстазом, интуицией, вдохновенным прозрением его творцов»³⁹.

38 Бердяев Н.А. Новое средневековье // Вестник высшей школы. – 1991. – №3. – С. 95.

39 Рапацкая Л.А. История художественной культуры России (от древних времен до конца XIX века). – М.: Академия, 2008. – С. 285.

В живописи, несмотря на утверждение «антипейзажности», в еще большей степени проявится гуманистическое начало в реанимации христианской символики и образности, различного рода интерпретаций вечных тем сопоставления божественного и демонического, обращения к сказочным темам и персонажам (В.Э. Мусатов, М.А. Врубель).

Идея двойственности мира с очевидной простотой предстанет в театре. При этом антиномии возвышенного и низменного, трагедийного и комического будут не только сосуществовать на одной сцене, но самим своим возможным соединением посредством «архитектурных фантазий и геометрических форм» (В.Э. Мейерхольд) смогут создавать новую реальность, зачастую максимально актуализированную обыденность.

«Знаки иного мира в этом мире» (Н. Бердяев) будет передавать музыка. Музыкальность определит основы развития и постижения идеального прекрасного мира, станет необходимым условием для восприятия и понимания внутреннего мира человека, откроет новые горизонты и расширит пределы человеческого разума до вселенских масштабов.

Отчасти будет казаться, что лирика поэтов-символистов тоже родится из духа музыки. «Она напевна, мелодична, ее действенность заключается в музыкальной значительности, – заметит по этому поводу В.М. Жирмунский. – Слова убеждают не как понятия, не логическим своим содержанием, а создают настроение, соответствующее их музыкальной ценности. Кажется, раньше слов звучит в воображении поэта напев, мелодия, из которой рождаются слова»⁴⁰.

При этом тяготение к прошлым векам и эпохам будет рассмотрено как естественная тенденция поиска гармонии и красоты, выхода из кромешного мрака современности, изнывающего дыханием разочарованности во всем и вся. И спасительным бастионом, удерживающим человека над пропастью небытия, станет искусство.

Вот почему «соединение двух высоких понятий – «красота» и «искусство», – подчеркнул исследователь, – привлекало многих мастеров Серебряного века, разочарованных и в «заземленном» реализме непосредственных предшественников, и в новомодных авангардистских опытах современников, отвернувшихся

40 Жирмунский В.М. Избранные труды. – Л.: Наука, 1977. – С. 225.

от любых традиций. А именно в традициях и «моделях» искусства давно прошедших веков виделась желанная красота – таинственная, чарующая, божественная, способная возродиться к новой жизни. В художественных образах старых мастеров искали «секреты» творчества, устойчивой закономерности гармонии формы и содержания, неподвластные времени»⁴¹.

В этот период исторического времени вновь явится мировому сообществу явление исключительно русское, целомудренное и первозданное, возвращающее нас всех к первичному этапу функционирования концепта «возрождение» – образ Святой Руси, и как ярчайшее выражение возрождения православных традиций архетип града Китежа, символизирующий Россию в ее первородно-духовном содержании.

Град Китеж будет символизировать и мировое добро, противостоящее все тому же мировому злу (с основанием на религиозном начале), и личностные качества (мужество, стойкость, героизм), и вневременные

и внепространственные характеристики – память.

Этой идее высшей формы выражения духовности, по сути, будет соответствовать и вся русская культура, и русская философия, выступающая именно в этот период русской жизни в качестве особой сферы духовной жизни общества.

По словам другого выдающегося отечественного мыслителя Г.Г. Шпета, история нашей философии «началась с Петра, но протекала в потемках общественного философского сознания. Лишь к концу второго века после Петра стало светать, отдельные и одинокие вершины зарделись золотым светом, умы стали просыпаться и разбрелись для работы. В этом – история русской философии...»⁴².

Возможно, Г.Г. Шпет слишком категоричен, отказывая русской культуре до XVIII века в философском статусе. Философские идеи органично входили в древние летописи, литературные произведения, удивительно философична была русская живопись (особенно иконопись). Но лишь к XVIII веку философия в России складывается как самостоятельная форма

41 См. Рапацкая Л.А. История художественной культуры России (от древних времен до конца XIX века). – М.: Академия, 2008. – С. 317; Колобаева Л.А. Русский символизм. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2000. – 296 с.

42 Шпет Г.Г. Литература // Ученые записки Тартусского Государственного университета. – 1982. – № 1. – С. 157.

духовного освоения мира. В это время западноевропейская философия имела уже богатое прошлое, которое включало в себя и великую античность, и отточенную средневековую схоластику, и гимн человеку и его разуму, сложенный мыслителями эпохи Возрождения, и просветительские идеи.

В полемике спора все же следует признать тот факт, что Россия, создавая собственную оригинальную философскую традицию, не могла избежать ученичества. Но русская философия в целом ученической не осталась, она смогла создать драгоценную стихию свободного и оригинального творчества и традиций мировой философской мысли.

Особенно характерен в данном смысле Серебряный век отечественной культуры, так называемый русский религиозно-философский ренессанс второй половины XIX – начала XX века.

Религиозно-философские искания того времени, опиравшиеся на идеи Ф.М. Достоевского и Вл. Соловьева, не были потоком, изолированным от общего потока культуры. Философия имела очень тесную связь с искусством того времени. Даже поиск социального идеала в рамках философии истории зачастую принимал эсте-

тизированный характер. Музыкальное творчество А. Скрябина, И. Стравинского, картины К. Сомова, Л. Бакста несли в себе громадный мировоззренческий заряд, шли в том же русле культурного обновления, вырастали из той же почвы, что и религиозная философия того времени.

В области же философии в стране сформировались два оригинальных, не сопоставимых с западноевропейскими, течения: русская религиозная философия (В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, П.А. Флоренский, Н.А. Бердяев, Л. Шестов, В.В. Розанов) и философия русского космизма (Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский).

Все творения философов Серебряного века (Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, С.Н. Трубецкого, И.А. Ильина, П.А. Флоренского, Н.О. Лосского, С.Л. Франка, Л.П. Карсавина) были наполнены духовными поисками истинной жизни, решением вопроса выбора и свободы, решением проблемы человека и человечности и утверждением примата духовной жизни над материальным (вещным) миром.

Особенно очевидно «родство» философских идей и художественного творчества проявилось в поэзии русского символизма. А. Белый,

Вяч. Иванов, К. Бальмонт, В. Брюсов, Д. Мережковский, А. Блок неразрывно сплели в своих стихах философскую идею и художественную форму.

Русский символизм выступил на рубеже веков одновременно и как художественно-поэтическое течение, и как течение философское, концептуально реализующее концепт «возрождение», ставящее перед собой задачу создать средствами искусства новую иррациональную философию, новое учение о человеке («новый гуманизм»).

Большинство произведений поэтов-символистов носило философско-концептуальный характер, а их создатели являлись философски мыслящими художниками. Недаром даже известные стихи о Прекрасной Даме А. Блока содержат философскую идею, являясь не столько любовной лирикой, сколько рассуждениями о Софии-мудрости – центральном понятии религиозной философии того времени. Таким образом, для отечественной философской традиции явилось характерным тесное взаимодействие и взаимопроникновение с русской художественной культурой.

Русский символизм, как часть нового художественного явления модернизма, составил часть духовного ренессанса рубежа веков как теорети-

чески, так и художественно, воплотив в себе русское художественное возрождение.

Подобно религиозному ренессансу, отметил культуролог Р.П. Трофимова, модернизм во всех своих проявлениях «поставил перед собой задачу возродить самоценность и самодостаточность искусства и культуры, освободить их от социальной, политической или какой-либо другой служебной роли. Модернизм выступал одновременно и против утилитаризма в подходе к искусству, и против художественного течения академизма... назначение художественной культуры состояло в поиске новых форм, новых приемов и средств выражения...»⁴³.

Символисты, отметил Л.А. Рапацкая, «предчувствовали, что «Россия летит в бездну» и призывали «очистительную катастрофу мира» как духовное спасение, как новое Богоявление во имя сохранения нравственности и культуры», они «верили в мистические пророчества, и надвигающаяся революционная катастрофа виделась им как неизбежность, предначертанная свыше»⁴⁴.

43 Трофимова Р.П. История русской культурологии. – М.: Академический проект Трикста, 2003. – С. 335.

44 Рапацкая Л.А. История художественной культуры России (от древних времен

Потому центральной идеей символизма станет идея возрождения, отметит Л.А. Колобаева, понимаемая как «преодоление односторонности, ограниченности и раздвоенности личности как преодоления трагической исторической судьбы человека»⁴⁵, она будет звучать как «пафос высвобождения человека из «хаоса полусуществований» (И. Анненский) и идея ожидаемой полноты бытия – через возрождение и синтез прошлых культур»⁴⁶.

Вывод

История России, таким образом, есть практическое подтверждение реализации сверхзадачи – действия концепта «возрождение» во всех возможных вариантах. Возрождение физическое (восстановление жизненных сил, едва теплившихся после колониального засилья), содержательное (заложение основ светского мировоззрения с центрирующим началом на человеке, творческом, способном к свершениям, деятельном), духовное,

до конца XIX века). – М.: Академия, 2008. – С. 285.

45 Колобаева Л.А. Русский символизм. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2000. – С. 213-214.

46 Там же. – С. 245.

или религиозно-духовное (вновь внимание приковано будет к человеку, но важен здесь будет уже не ответ на вопрос «кто?», а понимание «почему?») – каждый раз Россия будет обретать новое рождение, основанное на обращении к истокам своего развития, к тем жизненным универсалиям, которые составят систему координат ее развития. В качестве культурно обусловленных представлений о культуре концепт «возрождение» всегда будет знаменовать собой «рубеж», «кризис», за которым обязательно следуют или его преодоление, или полное и безоговорочное низвержение предшествующих культурных установок.

Концепт «возрождение» – естественный механизм возобновляемости тех или иных культурных явлений. При этом любая эпоха перемен для каждого народа есть переход от устоявшегося к неведомому – время трагических и часто кровавых событий, участником и жертвой которых становятся, прежде всего, носители культуры (сам народ). Сквозь эти трагические реалии все же пробивались ростки нового, так или иначе связанные с идеями Возрождения, глубоко и ярко осветившими Европу.

И хотя яркий представитель духовно-религиозного ренессанса

Н.А. Бердяев будет отвергать столь узкое трактование последнего периода, все же именно начало XX века заложит основание для действительных поисков ответов на вопросы, традиционно связанные с бытием человека. Не поэтому ли отметит и современный исследователь А.И. Чернокозов, что «сохранение русской культуры... одна из важнейших задач современности, решение которой связано с надеждой и космической перспективой человечества»⁴⁷.

Библиография

1. Бердяев Н.А. Новое средневековье // Вестник высшей школы. – 1991. – № 3. – С. 93-97.
2. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Интеллигенция в России. – М.: Молод. гвардия, 1991. – С. 68-109.
3. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. – М., 1977. – 703 с.
4. Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. – М.: Экопрос, 1992. – 336 с.
5. Драч Г.В. Культурология. – Ростов н/Д.: Феникс, 2000. – 336 с.
6. Жирмунский В.М. Избранные труды. – Л.: Наука, 1977. – 424 с.
7. Касьянов В.В. Культурология. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Ростов н/Д.: Феникс, 2010. – 394 с.
8. Ключевский В.О. Исторические портреты: деятели ист. мысли. – М.: Правда, 1991. – 624 с.
9. Колобаева Л.А. Русский символизм. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2000. – 296 с.
10. Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 687 с.
11. Кравченко А.И. Культурология. – 3-е изд. – М.: Академический проект, 2002. – 496 с.
12. Культурология / Под. ред. Г.В. Драча. – М.: Альфа-М: ИНФА-М, 2010. – 412 с.
13. Культурология, эстетика, искусствоведение: Словарь-справочник. – Ростов-н/Д.: Феникс, 1997. – 160 с.
14. Лихачев Д.С. Избранные работы: В 3 т. – Л.: Худ. лит., 1987. – Т. 3. – 512 с.
15. Рапацкая Л.А. История художественной культуры России (от древних времен до конца XIX века). – М.: Академия, 2008. – 384 с.
16. Розин В.М. Культурология / 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Гардарики, 2004. – 462 с.

47 Чернокозов А.И. История мировой культуры. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – С. 250.

17. Трофимова Р.П. История русской культурологии. – М.: Академический проект Трикста, 2003. – 606 с.
 18. Чернокозов А.И. История мировой культуры. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 480 с.
 19. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. – М.: Мысль, 1993. – 606 с.
 20. Шпет Г.Г. Литература // Ученые записки Тартусского Государственного университета. –1982. – №1. – С. 155-159.
-

The concept "rebirth" as a mechanism of change of Russia's general culture development

Shemyakina Mariya Konstantinovna

PhD (Philology),
associate professor of the department of theory and history of culture,
Belgorod State Institute of Culture and Arts,
P.O. box 308033, No. 7 Korolyeva st., Belgorod, Russia;
e-mail: Mary-ru2004@mail.ru

Abstract

The article is devoted to revelation of the specificity of embodiment of the concept "rebirth" in Russian cultural tradition. Having examined three phases of history the author in detail accents the processes of cultural development in each phase, the peculiarities of "concept" realization in social and artistic environment. In such a way revelation of turn-over phases (stages) of cultural development at the heart of its comprehension determines the central concept of Russian culture as a culture being established – the idea of the concept "rebirth" (human-creative, educational, religious).

Keywords

The concept "rebirth", Russian culture, culture dynamics.

Bibliography

1. Berdyaev, N.A. (1991), "New Middle Ages", *Higher school bulletin* ["Novoe srednevekov'e", *Vestnik vysshei shkoly*], № 3, pp. 93-97.
2. Bulgakov, S.N. (1991), "Heroism and selfless devotion" // *Marks. Intellectuals in Russia* ["Geroizm i podvizhnichestvo", *Vekhi. Intelligentsiya v Rossii*], Molodaya gvardiya, Moscow, pp.68-109.
3. Gerder, I.G. (1977), *Ideas to human history philosophy* [*Idei k filosofii istorii chelovechestva*], Moscow, 703 p.
4. Gumilev, L.N. (1992), *From Rus to Russia: sketches on ethnic history* [*Ot Rusi k Rossii: ocherki etnicheskoi istorii*], Ekopros, Moscow, 336 p.
5. Drach, G.V. (2000), *Culturology* [*Kul'turologiya*], Feniks, Rostov-on-Don, 336 p.
6. Zhirmunskii, V.M. (1977), *Selected works* [*Izbrannye trudy*], Nauka, Leningrad, 424 p.
7. Kas'yanov, V.V. (2010), *Culturology* [*Kul'turologiya*], Feniks, Rostov-on-Don, 394 p.
8. Klyuchevskii, V.O. (1991), *Historical portraits: doers of historical thought* [*Istoricheskie portrety: deyateli ist. mysli*], Pravda, Moscow, 624 p.
9. Kolobaeva, L.A. (2000), *Russian symbolism* [*Russkii simvolizm*], Moscow University, 2000, 296 p.
10. Kondakov, I.V. (1997), *Introduction to the history of Russian culture* [*Vvedenie v istoriyu russkoi kul'tury*], Aspekt Press, Moscow, 687 p.
11. Kravchenko, A.I. (2002), *Culturology* [*Kul'turologiya*], Akademicheskii proekt, Moscow, 496 p.
12. Drach, G.V. (2010), *Culturology* [*Kul'turologiya*], Al'fa-M: INFA-M, Moscow, 412 p.
13. *Culturology, esthetics, art criticism: reference dictionary* (1997), [*Kul'turologiya, estetika, iskusstvovedenie: Slovar'-spravochnik*], Feniks, Rostov-on-Don, 160 p.
14. Likhachev, D.S. (1981), *Selected works* [*Izbrannye raboty*], Vol. 3, Khudozhestvennaya literatura, Leningrad, 512 p.
15. Rapatskaya, L.A. (2008), *History of artistic culture in Russia (from ancient times till the end of the XIX century)* [*Istoriya khudozhestvennoi kul'tury Rossii (ot drevnikh vremen do kontsa XIX veka)*], Akademiya, Moscow, 384 p.

16. Rozin, V.M. (2004), *Culturology* [*Kul'turologiya*], Gardariki, Moscow, 468 p.
17. Trofimova, R.P. (2003), *History of Russian culturology* [*Istoriya russkoi kul'turologii*], Triksa academic project, Moscow, 606 p.
18. Chernokozov, A.I. (1997), *History of world culture* [*Istoriya mirovoi kul'tury*], Feniks, Rostov-on-Don, 480 p.
19. Shpengler, O. (1993), *Eclipse of Europe. Sketches on the morphology of world history* [*Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii*], Mysl', Moscow, 606 p.
20. Shpet, G.G. (1982), "Literature", *Scholarly notes of Tartu State University* ["Literatura", *Uchenye zapiski Tartusskogo Gosudarstvennogo universiteta*], No. 1, pp. 155-159.